

19 июля сравнялось 10 лет, как ушёл из жизни Савва Васильевич Ямщиков. Помнится тот воскресный полдень, когда в трубке мобильного прозвучал сдавленный голос Игоря Петровича Золотусского: «Виктор Алексеевич, Саввы не стало».

И сразу потемнел яркий солнечный день. Несправедливость этой вести перехватила дыхание. Ещё позавчера, в пятницу, Савва звонил из палаты псковской больницы, где он лежал. Голос был ослабевший, но звучал уверенно: «Ничего. Выкарабкаюсь». И вот не прошло и 30 часов, как сообщили и его кончине.

И вот уже 10 лет отделяют нас, знавших и любивших его, и тех многих десятков тысяч, кто читал его книги и статьи, видел его телевизионные выступления, встречался с ним в его бесчисленных поездках по стране, от того дня невосполнимой потери.

Река жизни всё убыстряет свой бег. Но память наша хранит его облик, его незабвенные дела на пользу Отечества, его пламенную страсть и любовь к России с её великой историей, культурой и бесконечно талантливым народом.

\* \* \*

Для «Слова» Савва Васильевич был и неутомимым автором, и деятельным распространителем, и пропагандистом. Иногда казалось, наша газета никому так не была нужна, как ему, хотя трибуны — и печатной, и телевизионной — в последние годы ему хватало с лихвой. Он тотчас подхватил ливановскую идею создания Общественного совета газеты из лучших представителей русской интеллигенции и немедленно привлёк в него Валентина Распутина, Валентина Курбатова, Владимира Васильева, Вячеслава Старшинова, Вадима Юсова, Валентина Янина, Валентина Лазуткина и других. Василий Ливанов привёл с собой Евгения Стеблова и Геннадия Гладкова.

За первое десятилетие существования «Слова» Савва Васильевич опу- бликовал на наших страницах сотни материалов. Интервью, открытые письма к руководителям страны и министрам, памфлеты и статьи, ре- плики и очерки, эссе и зарисовки — он не чурался ни малых, ни боль- ших форм, и, торопясь, едва ли не захлебываясь в мыслях и чувствах, клокотавших и бурливших в нём, жаждал выплеснуть на страницы свои негодование, любовь, страсть.

Иной раз я слышал: «Что-то много у тебя в газете Ямщикова». «Ну раз- ве можно так писать? — недоумевали поклонники политеса, знакомясь с его очередными гневными и обличительными памфлетами. Наш «Савва Нарола», в шутку назвал его кто-то в редакции. «Ну, Савва имеет право говорить то, что думает», — обронил по схожему поводу Валентин Распу- тин. Сегодня те же сомневавшиеся говорят: «Не хватает Саввы в газете. Его страсти, прямоты, бесстрашия в обличениях врагов России».

«Нет, старик, газету мы не сдадим, — говорил мне Савва, когда в начале 2008 года повеяли холодные ветры нынешнего кризиса. — Буду говорить с самыми разными людьми». И действительно нашёл деньги в самые критические для нас месяцы. Воспринял дело газеты как своё кровное.

Безбрежный в своих привязанностях к одним, он был властно реши- телен в неприязни к другим. Часто ошибался в людях — они на поверку оказывались совсем не такими славными, как он себе представлял. Но ошибки его всегда были на стороне добра, слишком большого доверия к человеку, не иначе.

\* \* \*

Я не знал Савву времён его молодости, но, рассматривая старые его фото, всегда удивлялся тогдашней его стати: красивый, ладный, на диво крепко сбитый — истинно русский добрый молодец! И как же неоглядно щедро надо было тратить себя по жизни, чтобы такому богатырю уйти в 70 лет! Казалось, запасу в нём было на два века...

Но и в последние годы и дни ярко-голубым огнём светились его гла- за, белели коротко стриженные густые волосы. Большой, грузный, не- поворотливый, он передвигался с трудом, не очень хорошо слышал, но прежняя мощь угадывалась в нём. «Старик, — говорил не раз, — ноги не ходят, но руки ещё работают. При случае могу врезать так, что мало не покажется».

И живость ума, и образность витиеватого слога отличали его до само- го последнего дня.

Писал он легко — сразу набело, с минимальной правкой. И всегдаш- ний его темперамент жёг страницы неистовым пламенем.

Он говорил от себя, но говорил за многих, чувствовавших так же, как он, но не имевших его дара слова и возможностей обратиться к людям с газетной полосы и телеэкрана.

Он любил говорить и мог владеть аудиторией часами — естественно, раскованно, свободно; между слушателями и оратором бежал живитель- ный ток общения. Ему были готовы внимать сколь угодно долго, потому что сегодня — в век электронной и бумажной фальши, тотальной про- мывки мозгов — он говорил правду. И ещё потому, что — и это безоши- бочно угадывалось всеми, кто слушал его, — он не просто верил в эту правду, но жил по этой правде сам и готов был отстаивать её со всем присущим ему неистовством.

Повторяться он не боялся. В конце концов, и молитвы — тоже тыся- чекратное повторение одних и тех же слов. Важны искренность чувства и вера, с которыми их произносишь.

Из тех сотен дней, что длилась наша дружба, кажется, наберётся едва ли тридцать, чтобы мы не говорили с ним по телефону и раз, и два, и три на день. И таких собеседников у него было — десятки.

Паузы были связаны с отъездами, кочевьями этого вечно «очарованного странника», как верно назвал его кто-то. Но и из Пскова, Суздаля, Михайловского, Питера, даже из заграницы он звонил непременно.

\* \* \*

Он был в словах, как рыба в чешуе. И слова его, сочные, яркие, выпуклые, сдобренные русской ненормативной лексикой, придавали этим историям неповторимый саввинский аромат.

О женщинах всегда говорил хорошо, без грана пошлости. И, кажется они это чувствовали мгновенно, откликаясь с благодарностью. В нём до последнего сильно ощущалось мальчишество, что особенно подкупает женщин. Савва очень близко сходилась с людьми, но грань не переходил, на панибратство не сбивался — верный признак некоего врождённого аристократизма, который присутствовал в нём, несмотря на барачное детство на Павелецкой.

Мне он стал как старший брат.

«Давай, родной. Обнимаю. Храни тебя Господь, — так завершал он все наши разговоры в последние месяцы. И, казалось, так будет всегда.

\* \* \*

Он вообще умел и любил восхищаться другими. «Вот некоторые от зависти чахнут, когда другим что-то удаётся. А я, когда сделают или напишут что-то хорошо, радуюсь так, как будто сам это сделал».

Он был проповедник со страстью огненного протопопа Аввакума. Недаром его предки по матери были староверами.

Многие, знавшие его, получали от него письма, открытки с поздравлениями — с Рождеством, Пасхой. Написанные стремительным, изящным почерком, эти заботливые и обязательные послания теперь, в электронную эпоху корявых эсмэсок, когда, кажется, уже напрочь забыто старинное искусство письма на бумаге, напоминали о европейской традиции общения, веяли дыханием дворянских усадеб. И многое говорит о его любви ко всем нам.

\* \* \*

Савва Васильевич играл роль, на которую нельзя было назначить, в которую можно было только вырасти всей жизнью. И эта роль — объединителя тех, кто любит Россию. Энциклопедист, человек многих талантов и неистового темперамента, он не был лидером в стане патриотов, ибо общепризнанного вождя в нём нет. Но был самым близким к этому понятию человеком. Ибо связывал, сцеплял между собой сотни людей, которые без него не общались бы друг с другом. И в этом качестве его никто не может заменить.

«Я служу по России», — часто повторял он о себе знаменитые пушкинские слова. И в его устах это не казалось преувеличением. Он заработал их своим подвижничеством, неустанным титаническим трудом на благо своей страны, её истории, её культуры. Распад Советского Союза он воспринял как личную трагедию. «Когда не стало Родины моей, мне кажется, меня не стало», — с горечью повторял он строчки Татьяны Глушковой о катастрофе 91-го года.

Она и стала одной из причин его ухода в затвор почти на десять лет.

Он ненавидел душителей русской культуры. Уничтожение культуры и истории он уподоблял убийству нации.

Терпеть не мог приспособленцев — тех, кто, кажется, в одну ночь перекрасился из Савлов в Павлы, кто из комчиновников мигом обернулся ревнителем «свобод», веры и благочестия, кто из коммунистов и комсо-

мольцев стал «красным директором» или олигархом. Постоянно подчёркивал кровное родство нынешней демократуры с большевиками 1917 года. Ибо объединяет их ненависть ко всему русскому: православному Богу, нашей истории, укладу жизни, интеллигенции. Если тогдашние полагали, что Россия пригодна разве что в качестве хвороста для разжигания мировой революции, то нынешние считают, что страну надо непременно пристегнуть пятым колесом в телегу западной цивилизации — дескать, иного будущего для неё и быть не может. Между тем сегодня явственно видно, что только традиционалистские общества — Индия, Китай, страны с пятитысячелетней культурой — способны сохранить себя в противостоянии с глобализмом. И успешно выдерживать даже такие удары, как всемирный экономический кризис.

Савва Ямщиков свято верил, что у России особая миссия. Если миру и суждено спастись, считал он, то спасение это может прийти только через Россию, где большинство отвергает потребительство и культ Мамоны, где противостоят гибели духовности. Поэтому всё, что служило сохранению этой духовности — монастыри, иконы, музеи, русский язык, старинные русские города, великая и совестливая русская литература, — являлось предметами его неустанной заботы. Все же, кто способствовал разрушению этих основ, были его заклятыми врагами.

И во власти нашей, где многие считают себя умнее и Бога, и дьявола, он умел находить сторонников своего дела. И радовался тому, что находит. Но вместе с тем хорошо понимал: всякая власть преходяща, даже, как оказалось, власть помазанника Божия. А Россия вечна. Ей он и служил.

Жить без него последние 10 лет — значило всем сообща делать то дело, которое делал он.